

Corpus experiment in forensic linguistics

Baranov A. N.

Russian Language Institute of RAS,
Moscow, Russia
Baranov_anatoly@hotmail.com

Abstract

The report deals with current trends in cases concerning protection of honor, dignity and business reputation, which lead to the situations when courts use the category «abuse of law». Linguistic criteria are proposed that make it possible to identify linguistic signs of abuse of law in the text. One of the criteria is a corpus experiment. The proposed corpus experiment allows to compare the frequency of use of evaluation markers, opinions, assumptions, probabilities, etc. with the frequency of use of these forms in the representative corpus of the Russian language. The criterion of the corpus experiment is supplemented by the semantic criterion and the metatext criterion.

Keywords: forensic linguistics; abuse of law; linguistic markers of abuse of law; corpus linguistics

DOI: 10.28995/2075-7182-2022-21-42-49

Корпусный эксперимент в лингвистической экспертизе

Баранов А. Н.

Институт русского языка РАН,
Москва, Россия
Baranov_anatoly@hotmail.com

Аннотация

В докладе рассматриваются современные тенденции в рассмотрении дел по защите чести, достоинства и деловой репутации, которые приводят к использованию судами категории «злоупотребления правом». Предлагаются лингвистические критерии, которые позволяют выявлять в тексте лингвистические признаки злоупотребления правом. Одним из критериев является корпусный эксперимент, в процессе которого частота использования маркеров оценки, мнения, предположения, вероятности и под. сравниваются с частотой использования этих форм в представительном корпусе русского языка. Критерий корпусного эксперимента дополняется семантическим критерием и критерием метатекста.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; лингвистическая экспертиза; злоупотребление правом; корпусный эксперимент

1 Сфера корпусного эксперимента в лингвистической экспертизе

Лингвистическую экспертизу (далее «ЛЭ») в самом общем смысле можно определить как приложение лингвистических знаний, требующее оптимизации используемого концептуального аппарата, разумного ограничения объекта исследования и специфической формулировки выводов, учитывающей (1) требования законодательства, (2) конфликтность ситуации и (3) претензии сторон, в том числе на знание русского языка. Иными словами, результат ЛЭ – это особый жанр делового документа, в основе которого лежит научное исследование, выполненное – в идеале – по самым строгим требованиям лингвистики как науки. Это объясняется тем, что ЛЭ в судебном процессе является доказательством, которое может существенно влиять на решение суда¹.

¹ Разумеется, следует иметь в виду, что по закону в судебном разбирательстве ни одно из доказательств не имеет заранее предустановленной силы. Впрочем, в делах по защите чести, достоинства и деловой репутации, в делах по оскорблению, установлению авторства, плагиату и некоторых других ЛЭ является важнейшим и часто единственным доказательством.

Правовые ограничения не позволяют эксперту самому собирать доказательства – это прерогатива уполномоченных инстанций – следствия и суда. Между тем, в целом ряде случаев лингвист вынужден обращаться к разнообразным источникам информации – как минимум, к словарям и грамматикам, хотя для наблюдателя извне (в частности юриста) такая деятельность сопоставима со сбором доказательств или чем-то напоминает такую деятельность. Впрочем, существующая практика такова, что использование таких источников, как словари и грамматики не рассматривается как сбор доказательств и допускается при проведении ЛЭ.

Существуют, однако, и другие виды деятельности лингвиста-эксперта, которые сами по себе являются научным исследованием, хотя функционально носят «справочный» характер и могут подпадать под ограничение на сбор доказательств. Характерным примером такой работы лингвиста-эксперта является корпусный эксперимент, то есть обработка корпусов текстов с помощью существующего инструментария корпусной лингвистики. Юридический статус корпусного эксперимента не вполне определен, хотя реально этот метод исследования уже используется в практике ЛЭ. Корпусный эксперимент позволяет в ЛЭ решать, как минимум, следующие задачи:

- подтверждение, проверка и корректировка словарных значений слов и семантики синтаксических конструкций;
- выявление лексических значений, не представленных в словарных источниках;
- проверка употребительности аббревиатур, слов и словосочетаний в экспертизах по товарным знакам;
- оценка тональности контекстов использования слов и словосочетаний;
- составление репрезентативных фоновых корпусов текстов в экспертизах по установлению авторства;
- составление словников текстов и корпусов текстов, а также оценка частоты употребления соответствующих форм в корпусе.

Перечисленные задачи вполне очевидны, однако они не исчерпывают всех возможностей использования корпусного эксперимента в ЛЭ. Рассмотрим довольно сложный случай обращения к корпусным технологиям, обусловленный особенностями современного российского законодательства и практикой правоприменения, с одной стороны, и функционированием публичного дискурса – с другой.

2 Свобода выражения мнений и злоупотребление правом

Согласно существующим российским законам, граждане вправе свободно выражать свои мнения в публичном дискурсе – ст. 29 Конституции РФ². Единственное ограничение состоит в том, чтобы право на выражения мнения не затрагивало права других граждан. Эта весьма тонкая грань между правами граждан регулируется ст. 10 ГК РФ, в которой злоупотребление правом связывается с реализацией гражданских прав «исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав» (ст. 10 ГК РФ).

Комментаторы этой статьи отмечают, что реализация данного положения законодательства сопряжена с апелляцией к оценочным категориям справедливости, морали, честности и порядочности, которые не определены в законе, что создает определенные риски субъективности в принятии судебных решений. Тем не менее, данная норма действует, причем количество дел, в которых она используется, неуклонно возрастает.

В последнее время в связи с очевидным изменением судебной практики по ст. 152 ГК РФ, связанной с защитой нематериальных благ – чести, достоинства и деловой репутации, данная категория стала использоваться в судебных решениях по указанной статье. Так, в Решении Люблинского районного суда г. Москвы от 31 мая 2017 г. по делу «Усманов против Навального» (№ 2-4145/2017) указывается: «судом учитывается, что распространение порочащих сведений в отношении строго определенных, конкретных лиц посредством придания соответствующим утверждениям намеренно-общего характера либо изложение таких утверждений в виде якобы рассуждений, личного мнения, оценки и т.п., а равно сознательная разбивка такого единого по

---

² Речь в данном случае идет о праве, а не о существующей практике правоприменения.

своей сути утверждения на несколько фраз и положений, представляет собой умышленное злоупотребление правом (с. 10 ГК РФ), в связи с чем не может служить основанием для отказа в иске об опровержении сведений, не соответствующих действительности, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию»³.

Размывание существующей судебной практики по ст. 152 ГК РФ налицо: если в известном постановлении Пленума ВС РФ № 3 от 24 февраля 2005 г., фиксировавшего и утверждавшего судебную практику по рассматриваемой статье, обращалось внимание на форму сообщения негативных сведений и, соответственно, мнения, предположения, оценочные суждения и т.п. не попадали по действие данной статьи, то в Решении Люблинского районного суда по делу «Усманов против Навального» попытки участников публичной коммуникации выразить свое мнение, предположение, оценочное суждение и т.д. как минимум потенциально подпадают под санкции по ст. 152 ГК РФ. Важно здесь то, что никаких ясных критериев отделения случаев «придания соответствующим утверждениям намеренно-общего характера либо изложение таких утверждений в виде якобы рассуждений, личного мнения, оценки» от собственно личного мнения, оценки, рассуждения и под. не указывается. Вообще говоря, отсутствие таких критериев прямо противоречит ст. 29 Конституции РФ, поскольку она гарантирует свободу мысли и слова («Каждому гарантируется свобода мысли и слова»).

Оставим в стороне собственно юридические аспекты законов, подзаконных актов и их интерпретаций правоприменителями и обратимся к собственно лингвистическим аспектам проблемы, которая действительно возникла и требует лингвистического анализа в рамках ЛЭ по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.

3 Лингвистический и дискурсивный аспекты проблемы

До последнего времени соглашение между участниками публичной коммуникации и правоприменителями относительно легитимных способов выражения мнения, если отвлечься от некоторых тонкостей, сводилось, в сущности, к тому, что **эксплицитное** введение в дискурс пропозиции лексическими маркерами мнения, предположения, оценки и т.п. признавалось правомерным и не подпадало под действие ст. 152 ГК РФ. Это обеспечивало необходимый баланс между положениями Конституции РФ о свободе мнения и слова и правом гражданина на защиту своего доброго имени – чести, достоинства, деловой репутации и пр. Иными словами, фраза *Петров ограбил банк* в существующей судебной практике будет признана утверждением, а фразы *Видимо / вероятно / возможно* [и т.п. – группа 1], *считаю / думаю* [и т.п. – группа 2], *Петров ограбил банк* – предположением (маркеры группы 1) и мнением (маркеры группы 2).

Поток публикаций негативного характера, естественно, вызвал обратную реакцию со стороны тех, кто так или иначе затрагивался в соответствующих текстах и становился объектом пропагандистских кампаний. Определенную роль в изменении отношения к формальным и неформальным соглашениям сыграло и изменение общественно-политической ситуации. Между тем, обвинения в «злоупотреблении правом» в связи с делами о защите чести и достоинства небесспорны. Действительно, некоторые тексты современных СМИ обнаруживают признаки того, что называется злоупотреблением языком по Дж. Локку (*abuse of language* – [2], см. также [3]) в попытке уйти от правовых санкций. Очевидно, что необходимы критерии, которые могли бы послужить ориентирами при выявлении случаев «злоупотребления правом» в рамках дел указанной направленности. Важный объективный критерий такого рода – корпусный эксперимент, позволяющий сравнить относительную частоту употребления соответствующих форм в публичном дискурсе с относительной частотой аналогичных форм в спорной публикации.

³ Здесь и далее воспроизводятся особенности орфографического и пунктуационного оформления оригинала.

4 Корпусный эксперимент: критерий частотности

Назовем для краткости статьи, которые, предположительно, содержат лингвистические признаки злоупотреблением правом в связи со ст. 152 ГК РФ «ангажированными» или А-статьями/публикациями, а соответствующий дискурс – «ангажированным», или А-дискурсом. Характерный признак публикаций указанного типа – злоупотребление эксплицитными маркерами выражения мнения, предположения, оценки, возможности и т.п. Разберем характерный пример.

В статье «Миллионы чиновников МИНОБРА в оффшорах?»⁴, бывшей объектом ЛЭ, использовались следующие лексические маркеры мнения, предположения, вероятности, оценки и т. п.: *сомнительно* 3, *наверное* 3, *видимо* 1, *предположительно* 1, *вероятно* 1, *можно сказать* 1, *может быть* 2, *кажется* – 5; всего – 17 вхождений. Поскольку в статье насчитывалось 998 словоупотреблений, то относительная частота указанных форм в совокупности составляет, приблизительно 0,017. Легко подсчитать среднюю частоту появления данных лексических единиц в представительном корпусе текстов. В «Корпусе текстов по современной публицистике» (60-е г. XX в. – начало XXI в.), созданном в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН, насчитывается 29 225 404 словоупотреблений. Указанные единицы распределены в нем следующим образом: *сомнительно* 129, *наверное* 5147, *видимо* 5272, *предположительно* 273, *вероятно* 2346, *можно сказать* – 1399, *может быть* – 11272, *кажется* – 6811; всего – 32 649 вхождений. Тем самым, средняя частота маркеров мнения и предположения для корпуса публицистики оказывается равной 0,0011. Иными словами, в рассматриваемой статье относительная частота употребления слов или словосочетаний, эксплицитно указывающих на выражение мнения, предположения, возможности и пр. более чем 15 раз ($0,017/0,0011 = 15,45$) выше, чем в среднем по корпусу публицистики. Это можно считать серьезным аргументом в пользу отнесения анализируемой публикации к сфере А-дискурса.

В газетном корпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) совокупный частотный ранг выражений указанного типа еще ниже: *сомнительно* 869, *наверное* 43054, *видимо* 34940, *предположительно* 12263, *вероятно* 21170, *можно сказать* – 12005, *может быть* – 103070, *кажется* – 52438; всего – 210458 вхождений⁵. Мощность газетного корпуса – 394 473 204 словоупотребления. Таким образом, средняя частота указанных маркеров мнения и предположения для газетного корпуса оказывается равной 0,00053.

Легко видеть, что в обсуждаемой статье относительная частота употребления указанных слов и словосочетаний, эксплицитно передающих мнение, предположение, возможность и пр., в 32 раза ($0,017/0,00053 = 32$) выше, чем в среднем по корпусу публицистики. Отнесенность спорной публикации к А-дискурсу в сопоставлении с данными цифрами не вызывает сомнений.

5 Семантический критерий и корпусный эксперимент

Критерий частотности для повышения достоверности результата должен быть дополнен другими критериями, указывающими – пусть и косвенно – на коммуникативное намерение автора текста любыми средствами донести негативное содержание до адресата и избежать правовых санкций. Авторы А-публикаций в стремлении обезопасить себя лишены чувства меры, что приводит к стилистическим и семантическим ошибкам в сочетаемости. Укажем некоторые типичные случаи.

Предположение в сфере действия модальности факта. В примерах, иллюстрирующий данное нарушение, в семантическую сферу действия выражения с семантикой факта попадает слово или словосочетание с семантикой предположения, ср. (1).

- (1) *Назовем вещи своими именами*⁶: сам Рыбкин *скорее всего* и передал своим юристам поддельные векселя для обращения в суд. А если это так, то именно Александру Рыбкину предстоит ответить за подделку документов.

⁴ Здесь и далее названия некоторых статей по понятным причинам изменены.

⁵ По состоянию газетного корпуса на середину марта 2022 г.

⁶ Здесь и далее выделение автора.

В приведенном примере выражение *называть вещи своими именами* передает семантику факта. Действительно, странно выглядит фраза: *Назовем вещи своими именами: он **возможно** / **вероятно** / **скорее всего** настоящий убийца* при норме *Назовем вещи своими именами: он и есть настоящий убийца*. Иными словами, введение в сферу действия модальности факта выражений, передающих семантику предположения, семантически некорректно.

Данные НКРЯ подтверждают этот вывод. Во всех 324 примерах употребления выражения *назвать вещи / всё своими именами*, найденных в корпусе в различных формах, в семантической сфере действия обсуждаемой идиомы обнаруживается пропозиция (и связанная с ней номинация), которая представляется говорящему истинной (подчеркнуто в примерах), а модальностей предположения, вероятности нет: *Ее заботило мое отношение к его, **назовем вещи своими именами**, **тунеядству**; **Агрессоры** (**назовем вещи своими именами**); **взяточдатели** (**назовем вещи своими именами**) неохотно распространяются о том, кому пришлось сунуть; Вкладчики не хотят мириться с очередным грабежом и **называют вещи своими именами**. Они открыто обвиняют ЦБ в рейдерском захвате своего банка под предлогом «оздоровления» банковской системы; Пришлось **называть вещи своими именами** и признаться в том, что **администрация Варьете**, в лице директора, финдиректора и администратора, пропала и находится неизвестно где, что **конференсье** после вчерашнего сеанса был отвезён в психиатрическую лечебницу <...>. [М. Булгаков. Мастер и Маргарита]. В последнем примере из романа «Мастер и Маргарита» использование глаголе *признаться* подчеркивает истинность вводимой пропозиции.*

Ср. аналогичный пример из текста выступления С. Доренко времен Лужкова:

- (2) Факты говорят о том, что, возможно, совершенно не случайно Ковалев оказывал Лужкову услугу, чтобы спрятать концы в воду с убийством Пола Тейтума.

Как минимум, фраза (2) стилистически не вполне корректна – в первую очередь из-за того, что в сферу действия факта (*Факты говорят о том*) попадает предположение (*возможно*), которое тут же сменяется подчеркиванием истинности: *совершенно не случайно*.⁷

Мнение в сфере действия нереализованного условия. Для примеров рассматриваемого типа характерна ситуация, когда используется условная конструкция с союзом *если* или аналогичной формой, а далее следует рассуждение, игнорирующее тот факт, что само условие не верифицировано и описывает гипотетическую ситуацию:

- (3) Ведь, *если предположить*, что хозяин алюминиевого комбината имеет компромат на судью, *следовательно и получается*, что суд принимает решение, в разы увеличивающее активы олигарха.

В примере (3) словоформы *следовательно и получается* используются для введения пропозиции ‘суд принимает решение, в разы увеличивающее активы олигарха’ как мнения (экспликация процесса рассуждения квалифицируется в ЛЭ по ст. 152 ГК РФ как мнение). Однако мнение оказывается в сфере действия нереализованного условия и предположения одновременно: *если предположить, что хозяин алюминиевого комбината имеет компромат на судью*, что хотя и не нарушает семантическую сочетаемость в сильном смысле, но стилистически не вполне удачно.

В данном случае косвенная проверка полученного вывода в корпусном эксперименте частично возможна. Слово сочетание *следовательно и получается* в НКРЯ не обнаруживается⁸.

Чрезмерная детализация гипотетической ситуации. Злоупотребление маркерами модальностей может влечь нарушения прагматической природы. Например, обсуждение гипотетической ситуации в обычном случае не предполагает излишних подробностей, поскольку ситуация не реализовалась. Действительно, нереализованная ситуация не может быть известна говорящему в деталях. Между тем, формальная расстановка маркеров с целью ухода от правовых рисков приводит к нарушению этого естественного ограничения, ср. пример (4):

⁷ См. также разбор этого примера в [1: 134], однако с другой целью – как пример использования приема речевого воздействия.

⁸ Последовательность *следовательно, получается* представлена в трех примерах, однако она имеет другую семантику. Ср.: *Следовательно, получается сумма в размере 30 000 руб.*

- (4) **Вероятно**, Литвинов постарается донести до руководства «Росмостов» необходимость возврата Куропаткина, минуя совет директоров. Второй **сценарий**: назначить Куропаткина исполняющим обязанности, пока совет директоров не начнет задавать вопросы о временщиках в руководстве. Поэтому, **вероятно**, Литвинову **придется буквально вымолить у Буданова** место для Куропаткина для личного самосохранения. [«Правда и истина»]

Лексемы *вероятно* и *сценарий* указывают на гипотетические варианты развития ситуации, а грамматическая форма будущего времени (*постарается, начнет, придется*) вообще снимает вопрос о верификации описываемых событий – она невозможна, а неverified высказывания в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 2005 г. не являются утверждениями в смысле ст. 152 ГК РФ. Однако указание на то, что *Литвинову придется буквально вымолить у Буданова место для Куропаткина для личного самосохранения* семантически аномально, поскольку экстраполяция в будущее таких подробностей отражает стремление автора статьи представить нынешнюю ситуацию угрожающей для Литвинова. Корпусная проверка и подтверждение данного вывода на большом материале также затруднена, поскольку предполагает использование сложного семантического парсера, учитывающего к тому же и прагматические характеристики описываемой ситуации.

Ложная анти-эмпатия. К нарушениям семантического характера следует отнести также контексты, в которых при общем отрицательном отношении к обсуждаемому герою в публикации обнаруживается цитирование других лиц крайне негативного свойства, причем автор от цитаты навязчиво открещивается, ср. (5):

- (5) «Все это происходит при покровительстве службы безопасности под руководством господина Курьянова, который в угоду Литвинову **расправляется** с неугодными сотрудниками. Все, кто хоть немного оказывает сопротивление преступной деятельности, **подвергаются “наезду”** со стороны службы безопасности либо **увольняются под давлением**. На основании вышеперечисленного можно сделать выводы о том, что группа Литвинов–Куропаткин **активно занимается хищением денежных средств компании в особо крупных размерах**», – берутся рассуждать авторы письма.

В приводимом фрагменте цитируется письмо, в котором Литвинов характеризуется крайне отрицательно, что в полной мере соответствует направленности публикации, при этом автор статьи в словосочетании *берутся рассуждать* в явном виде отгораживается от цитаты и даже ставит ее под сомнение, что в сочетании с негативной тональностью статьи в целом смотрится довольно странно.

К сожалению, и в данном случае корпусный эксперимент на значительном материале в настоящее время вряд ли возможен из-за сложной комбинации характеристик тональности текста.

Использование будущего времени. В рамках ст. 152 ГК РФ к числу утверждений не относятся высказывания, которые не могут быть проверены на соответствие действительности. Тем самым, использование грамматического будущего времени исключает высказывание из сферы санкций по указанной статье. В некоторых случаях в А-статьях используется будущее время, причем события, предсказываются с исключительной подробностью, что сближает данный случай с «чрезмерной детализацией гипотетической ситуации», рассматривавшейся выше:

- (6) В то же время, отмечают эксперты, предприятие традиционно ссылается на нехватку средств, однако по информации источников, близких к «Россетям», «Екатеринбургская электросетевая компания» (ЕЭСК) по всей видимости не сможет освоить средства по инвестпрограмме в 2016 году, что может привести к ее значительному секвестру в 2017 году. Как следствие, вполне вероятно, что «компанию признают банкротом и продадут».

В приведенном примере подробно описывается цепочка «будущих» событий: компания не сможет освоить средства → компанию ждет секвестр → компанию признают банкротом и продадут. Такое ясновидение имеет совсем не волшебную природу и объясняется желанием сообщить негативные сведения о компании и одновременно избежать санкций по ст. 152 ГК РФ. Как пример

злоупотребления языком (abuse of language) следует рассматривать и использование кавычек во фразе «компанию признают банкротом и продадут», поскольку источник цитаты не указан, *эксперты* не раскрыты.

Корпусная проверка степени детализации описания ситуации в контексте будущего времени существенно затруднена.

Искусственная модификация иллокутивной семантики. Семантическая некорректность текста в А-статьях может быть связана с неудачными попытками преобразования грамматических утверждений в вопросы. Так, название статьи *Денег нет, но вы держитесь? Оффшорные миллионы чиновников Минобороны?* выглядит довольно странным из-за вопросов, которые нарушают условия успешности данного типа речевого акта. В статье указывается, что миллионы у чиновников есть и что их вполне достаточно – чиновникам «держаться» не надо. Заголовок статье в виде общего вопроса в такой ситуации выглядит неестественно, но объяснимо, если иметь в виду попытку ухода от правовой ответственности.

Аналогичный заголовок статьи, разбиравшейся выше, также сформулирован в виде вопроса: *Миллионы чиновников МИНОБРА в оффшорах?* И в этом случае уместность такого заголовка вызывает серьезные сомнения.

По понятным причинам и в этом случае корпусный эксперимент затруднен.

6 Чрезмерная «защита» от правовых рисков

Как известно, семантическая информация распределяется в тексте по собственно тексту и метатексту [4] – различным комментариям автора, управляющим вниманием читателя (адресата). Во многих случаях А-статьи содержат эксплицитные метатекстовые элементы, формально указывающие на мнение, предположение и оценочное суждение автора, ср. (7):

- (7) И если так, то некоторым не очень бедным руководителям комбината придется вскоре изучать не инструкции министерства, а Уголовный Кодекс. Или объяснить загадочное происхождение миллионов евро. И очень сомнительно для меня, и *это мое журналистское мнение*, что это случайное совпадение.

Фраза *это мое журналистское мнение* носит метатекстовый характер и опять-таки выводит текст из-под санкций по ст. 152 ГК РФ. Злоупотребление в данном случае состоит в навязчивости эксплицитной формы метатекстового комментария *это мое журналистское мнение*, сочетающейся с будущим временем описываемых событий и нереализовавшемся условием (*и если это так*). Нагромождение различных речевых способов защиты от правовых санкций – чрезмерная защита – определенно указывает на злоупотребление правом.

Отметим, что метатекст как критерий не всегда дает однозначный результат. Так, в известном деле «Уткин-Советский спорт» спортивный журналист в явном виде рассказывает о том, что он консультировался у юристов, как писать о договорных матчах, чтобы не попасть под правовые санкции:

- (8) Я решил проконсультироваться с хорошим адвокатом и даже потратил на консультацию сумму, равную гонорарам за несколько заметок в «Советском спорте». Нисколько не жалею об этом. Я узнал, что высказывание Валерия Георгиевича неподсудно, поскольку представляет собой **МНЕНИЕ**. *Предполагать, размышлять, даже фантазировать* каждый человек волен как ему угодно.

И далее журналист продолжает:

- (9) Это наша победа, коллеги. Мы были влекомы каким-то непонятным политкорректным чувством, мы с вами, чтобы не употреблять слово «договорняк», придумывали разнообразные экивоки. Говорили «странные матчи», «двусмысленные», мы с вами невероятно изгалялись. Так вот! Мы теперь можем говорить и «договорные», и «проплаченные». *Если мы так думаем – имеем полное право.*

Рассматривать фрагменты (8) и (9) как случай злоупотребления правом вряд ли правомерно по той простой причине, что в этой публикации последовательно обсуждается проблема того, как журналист может выражать свое мнение о том, что он считает нарушением этических норм – пусть и недоказанными в судебном порядке.

Проверка случаев нагромождения лингвистических защит в корпусном эксперименте на данном этапе развития корпусной лингвистики недостижима, хотя сравнение частоты использования элементов метатекста в спорной статье и в представительном корпусе вполне возможно – см. выше раздел 5.

***

Сформулированные лингвистические признаки «злоупотребления правом» в делах по защите чести, достоинства и деловой репутации по большей части не являются однозначными показателями рассматриваемого феномена. Иными словами, необходима проверка исследуемого материала по комплексу лингвистических параметров злоупотребления. Корпусный эксперимент оказывается в этом случае важнейшим инструментом объективизации интуиции лингвиста-эксперта и весомым доказательством «злоупотребления» словами.

References

- [1] Baranov A.N. (2011), Forensic linguistics. Theoretical foundations and practice [Lingvisticheskaya ekspertiza teksta. Teoreticheskiye osnovaniya i praktika]. Moscow — 592 p.
- [2] Lock J. Of the abuse of words. — London: Penguin books, 2009 — 161 p.
- [3] Kress G., Hodge R. Language as ideology. — Routledge, 1979 — 182 p.
- [4] Wierzbicka A. (1978), Metatext in text [Metatekst v tekste], New in foreign linguistics [Novoye v zarubezhnoy lingvistike], Vol. 8, Moscow, pp. 402-421.